

проявления сознания и уверенности в скором исчерпании игры. Этот кризис еще более усугубляется общими пессимистическими настроениями в общественном сознании, которые не без оснований обозначаются термином «эндизм» (от англ. *end* — конец), включающим такие примеры, как «конец истории», «конец науки» и пр.

Здесь также надо учитывать, что в данном случае научная революция (а создание компьютерных шахматных программ является важнейшим научно-техническим достижением) предшествует кризису. Другими словами, познание идет не по Куну. Преодоление кризисных явлений возможно путем привлечения внутренних ресурсов шахматной деятельности, и такая работа уже началась. Вопреки паническим заявлениям происходит оживление шахматного движения. Вместе с тем есть основания сделать серьезные выводы о культуре в целом. Шахматы — слишком серьезная игра, и, думается, есть возможность более широко использовать эти результаты. Предстоит ассимилировать достижения в разработке алгоритмов, например для разработки возможных альтернативных планов. С точки зрения философии не лишено смысла повторное обращение к принципу «экономии мышления», который можно изучать почти в чистом виде.

И. П. Мамыкин, канд. филос. наук, доцент
С. Н. Мизякина, канд. филос. наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ФЕНОМЕН ЭМПАТИИ (ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ И ВЫЗОВЫ ПРАКТИКИ)

Популярное в науке понятие эмпатии все же не приобрело четкого категориального статуса, что делает актуальным обращение к классическому философскому наследию для его концептуализации.

В общем плане эмпатия — состояние сопереживания эмоциональному и, шире, духовному настроению другого человека. В определенном ракурсе эмпатия предстает как субъект-субъектное отношение, связывающее наше самопознание с познанием Другого. И какой бы естественной не виделась человеку его привычка судить о сознании других путем сопоставления с собой, в действительности она является продуктом исторического развития, запечатленного в том числе и в философии.

В этой связи тезис Протагора о человеке как мере всех вещей правомерно трактовать как применение своей индивидуальной мерки для оценки Другого. А с учетом интерсубъективности и общезначимости ценностей в определенных сообществах это утверждение можно рентерпретировать и в объективистском духе, вопреки субъективизму и релятивизму Протагора.

Обратим внимание также на то, что эмпатия необходимо включает в себе нравственный аспект. Пусть человеческие взаимоотношения и далеки от моистовского идеала взаимной любви и взаимной выгоды, они все же не сводимы к гоббсовской «войне всех против всех». При оценке места эмпатии в человеческих взаимоотношениях резонно воспользоваться аристотелевской трактовкой добродетели как середины в области чувств и поступков. Тогда на условной шкале человеческой отзывчивости эмпатия заслуживает центрального места. Два других члена аристотелевской триады, т.е. крайности, противостоящие середине и друг другу, подлежат уточнению. В начале шкалы находится полное отсутствие отзывчивости (сочувствия) к другому человеку, «нулевая отзывчивость». Не применимое к мыслящим существам буквально, такое словосочетание все же уместно в условном смысле.

Более проблемна характеристика противоположного члена триады. Логично было бы поискать гипотетическую крайность и на этом направлении, т.е. верхний предел эмпатии. Продолжая аристотелевскую логику построения этических категорий через триаду недостаток — золотая середина (мера) — избыток, возможно все-таки встроить эмпатию в ряд добродетелей. Тогда избыток эмпатийности будет характеризоваться феноменом отождествления, известного современной психологии и чреватого потерей самоидентичности.

Понятие дружественности (*philia*), детально анализируемое Аристотелем, позволяет еще более конкретизировать понятие эмпатии. Как первое, так и второе могут быть искренними или фальшивыми, преимущественно односторонними или обоюдными и т.п. Еще более перспективно применение понятия дружественности к профессиональным взаимоотношениям. Аристотель в «Никомаховой этике» разбирает этот вопрос на примере профессии врача. Можно много знать о действии лекарств и признаках болезни в общем виде, но все эти знания должны опираться на некий личный опыт и сходство чувств врача и пациента. Другими словами, врач может и должен предугадывать не только ход мыслей пациента, но и движение его чувств.

Подобные соображения можно отнести и к представителям других профессий. Так, учитель по необходимости входит в положение ученика, сочувствуя тому в трудном процессе овладения знаниями. Одновременно он имеет в виду не только наличное состояние сознания ученика, но и образ его будущего. Искусство управления предполагает вживание руководителя в образ подчиненного и одновременно встречное движение последнего в реализации единой миссии.

Таким образом, эмпатии принадлежит важная роль в решении теоретических и практических задач. Овладение навыками эмпатии должно стать составной частью процесса обучения в вузе.